Трунов Ф.О.¹, 2020

Основные векторы сотрудничества Германии с Нидерландами и Францией по вопросам совместного укрепления военных потенциалов

Аннотация. Со времени окончания предыдущей холодной войны наиболее тесные, масштабные и разнообразные отношения по укреплению оборонных потенциалов сложились у ФРГ с континентальными странами Западной Европы, прежде всего с Францией и Нидерландами. Статья посвящена анализу их развития на современном этапе. Для проведения исследования избраны методы ивент-анализа и сравнительного анализа.

Рассматривается опыт создания первых двух- и многонациональных военных группировок стран – участниц НАТО смешанного комплектования. Полигоном их создания стала территория объединившейся ФРГ, раскрываются причины этого. Особое внимание уделено динамике развития германо-нидерландского корпуса. Исследуются механизмы продвинутой интеграции вооруженных сил Германии и Нидерландов, включая 1-ю танковую дивизию и дивизию сил быстрого реагирования бундесвера, в состав каждой из которых входит по одной голландской бригаде. В данном контексте рассматриваются особенности военного и технологического сотрудничества двух стран, в том числе на базе Постоянного структурированного сотрудничества. Сопоставляется

¹ Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН (lтрнов@mail.ru).

опыт германо-нидерландского сотрудничества и достижений ФРГ и Франции в области укрепления военных потенциалов. Помимо франко-германской бригады внимание уделено разработке двумя странами образцов новых вооружений и военной техники, в том числе роботизированной. Определяются перспективы сотрудничества Германии и Франции в военной области к началу 2020-х годов. На основе проведенного исследования делается вывод об исключительной практической значимости для Германии сотрудничества с Нидерландами в оборонной сфере.

Ключевые слова: Германия, Нидерланды, Франция, строительство вооруженных сил, военно-техническое сотрудничество, Постоянное структурированное сотрудничество.

Истеблишмент ФРГ со времен «эры Аденауэра» воспринимает вопросы обеспечения обороны и безопасности сквозь призму интеграции. В евро-атлантических институтах – НАТО и Европейских сообществах (с 1992 г. ЕС) – ФРГ, будучи государством – членом названных структур, видела возможность гарантий своей безопасности и территориальной целостности. Имеются в виду прежде всего традиционные «старшие партнеры» – США, Великобритания, Франция, а также (но в меньшей степени вследствие количественных характеристик) государства Бенилюкса. Практическим выражением данных гарантий выступали значительные военные контингенты указанных государств. Объем их суммарного военного присутствия на территории ФРГ был сопоставим с общим количеством войск в бундесвере (порядка 0,5 млн военнослужащих) [Fleckenstein, 1990, S. 2–4]. Примечательно, что союзнические контингенты и бундесвер выстраивали единую (как в территориальном, так и функциональном планах) систему обороны восточных границ ФРГ. Вдоль этих границ чередовались сектора ответственности армейских корпусов бундесвера и бельгийского, британского, американских (США), а также нидерландского и французских корпусов (последние частью сил располагались в глубине земель ФРГ, частью – на территории своих государств) [The Bundeswehr..., 2009, p. 14].

С одной стороны, первый стратегический эшелон войск НАТО, дислоцированный на территории ФРГ в годы холодной войны, являлся многонациональным. Это подразумевало коорди-

нацию систем военного планирования на стратегическом и отчасти тактическом уровнях (особенно в вопросах обеспечения стыков корпусов и дивизий вооруженных сил (ВС) различных стран – участниц Альянса). С другой – все корпуса, как в штабном, так и особенно организационном отношениях, оставались мононациональными, т.е. в принципе не предусматривалось создания смешанных (двух- и многонациональных) соединений, частей и подразделений. Для обеспечения координации выделялись лишь миссии связи в составе группы офицеров ВС одной страны, прикомандированной к штабу объединения (соединения) ВС другого государства.

На рубеже 1980–1990-х годов и особенно в первое десятилетие после окончания холодной войны стал проявляться эффект «плавленного котла»: страны – участницы НАТО создают многонациональные штабы (особенно на уровне корпусов), а также соединения и части. Данный феномен был обусловлен длительным (с 1955 г.) опытом тесной координации усилий ВС стран НАТО по обеспечению территориальной обороны вдоль зоны ответственности блока. Ключевой отрезок линии противостояния в Европе в годы холодной войны проходил по восточным границам ФРГ. Столь продолжительное сотрудничество в военной сфере, традиционно считающейся наиболее чувствительной для национальных государств, вело к постепенному частичному (но отнюдь не полному) снижению того негативного потенциала отношений, который накапливался в предшествующие исторические эпохи – прежде всего в периоды Первой (1914–1918) и Второй (1939–1945) мировых войн.

Самороспуск Организации Варшавского договора (ОВД) в контексте распада социалистического лагеря в целом, с одновременным сохранением блока НАТО, свертывание противостояния Запад – Восток поставили перед Альянсом – как организацией, так и перед его государствами-членами – многогранную проблему поиска нового целеполагания. Трансформация форм военного присутствия (при наличии взаимного интереса к его сохранению) одних стран НАТО на территории других отражает попытки ее решения. Наиболее остро данный вопрос стоял для ФРГ, что связано с рядом факторов. В их числе: объем иностранных военных контингентов и их новое восприятие в самой ФРГ и за ее пределами

после прекращения холодной войны; произошедшее затем перемещение границы зоны ответственности НАТО и, наконец, обретение объединенной Германией полного суверенитета де-юре (см.: [Fleckenstein, 1990, S. 2–4]). Выход в конце 1980-х – 1990-е годы был найден в создании смешанных, с участием двух и более стран войсковых штабов и объединений, соединений и частей. Государствам – партнерам ФРГ по НАТО это предоставляло возможность долгосрочного сохранения своего военного присутствия (с одновременным существенным сокращением его масштабов) на германской территории. В свою очередь, руководство объединенной ФРГ получало возможность продемонстрировать сохранение приверженности традиционным еще для Боннской республики принципам внешней политики (т.е. прежде всего приоритетности Евро-Атлантического сообщества). Тем самым создавались предпосылки для наращивания объемов сотрудничества в области совместного укрепления военных потенциалов (в том числе технологической кооперации) и их использования вовне и внутри зоны ответственности НАТО.

Впервые апробированная именно в Германии схема формирования многонациональных штабов и соединений показала свою практическую осуществимость и целесообразность и для других стран – участниц Альянса, ЕС. На современном этапе она активно используется при комплектовании всех основных группировок блока, прежде всего сил быстрого реагирования (СБР, включая постоянные морские и контрминные группы¹, бригаду сверхповышенной боевой готовности) и сил передового развертывания (СПР, в т.ч. «тяжелых» батальонных тактических групп в странах Балтии и Польше). По такому же принципу осуществляется постепенное строительство группировок ЕС.

«Пионером» в деле создания многонациональных соединений стала германо-французская бригада, учрежденная в 1989 г. [Deutsch-Französische Brigade, 2020] как символ значимости для обеих сторон контактов в военной сфере. 5 ноября 1993 г. Франция,

¹ Они являются постоянно действующими (соответственно в акваториях к северу и югу от Европы), но ротационными по своему составу. – Прим. авт.

Бельгия и Германия создали трехсторонний штаб корпуса «Северо-Восток» [Armee der Einheit., 2000, S. 35], расформированный, однако, уже во второй половине 1990-х годов. Аналогично сложилась судьба двух совместных корпусов: германо-американского (США) и американо-германского¹, которые формально были учреждены в результате подписания соглашений глав военных ведомств двух стран в Вашингтоне 25 февраля 1993 г. Каждый из двух корпусов должен был включать по одной дивизии из состава ВС государств-подписантов [Armee der Einheit., 2000, S. 37–38]. Совершенно иным оказался путь германо-нидерландского корпуса: его управление стало формироваться с октября 1994 г., а полноценно функционировать – с 30 августа 1995 г. [Ibid., S. 36–37]. Эти события послужили отправными точками масштабного двустороннего сотрудничества в области строительства ВС, в которое, по оценкам автора, оказались вовлечены свыше 50% всех наземных соединений бундесвера по состоянию на начало 2020-х годов (!).

Задача данной статьи – исследование динамики и промежуточных результатов двустороннего сотрудничества Германии с Нидерландами и Францией по вопросам совместного укрепления военных потенциалов. Фокусный временной отрезок для изучения – 2010-е годы. Выбор двух указанных стран не случаен: в условиях холодной войны, межблокового противостояния ФРГ в военной сфере оказалась сфокусирована на сотрудничестве с англосаксонскими державами и континентальными западноевропейскими государствами – Францией, а также Нидерландами, Бельгией и Люксембургом. К началу 2020-х годов именно на этих направлениях был накоплен значительный потенциал сотрудничества, а его схемы во многом являются образцами для углубления кооперации с государствами Северной, Восточной и Центральной Европы, начавшими интегрироваться в состав Евро-Атлантического сообщества с 1990-х годов.

Ситуация сложилась таким образом, что двусторонние контакты с США и Великобританией не включают для ФРГ вопросы

¹ Один из корпусов создавался ФРГ как «рамочной нацией», называвшаяся германо-американским (США), другой – Соединенными Штатами Америки в этом же качестве, а потому он именовался американо-германским. – Прим. авт.

совместного строительства ВС и содержат много «раздражителей», особенно латентных. При этом их объемы как в финансовом (особенно военно-техническом и отчасти технологическом), так и в количественном измерениях (в т.ч. вследствие сохранения существенного военного присутствия каждой из них на территории Германии) составляют огромные величины. Негативный эффект феноменов Брекзита (декларирован в 2016 г., начал реализовываться с 2020 г.) и трампизма усилился во второй половине 2010-х годов, включая стремление администрации США к монетизации отношений в НАТО. Общим фактором, негативно влияющим на расширение военного сотрудничества ФРГ с англосаксонскими странами, являются их опасения по поводу постепенного превращения Германии в полновесного глобального игрока. С точки зрения автора, этот процесс де-факто наблюдается с начала XXI в.

Значение этой проблемы формально свелось к минимуму в современных германо-французских отношениях. В условиях мощных внешних угроз (прежде всего роста неконтролируемых миграционных потоков, активизации и усиления структур международного терроризма), тесно связанных с внутренними вызовами (особенно потерей электоральной поддержки современными элитами в широком смысле этого слова), официальные Париж и Берлин декларируют интерес к укреплению своего тандема. При этом из числа стран Бенилюкса в военно-политическом отношении наблюдается тяготение Бельгии и Люксембурга к Франции, а Нидерландов – к Германии.

Основными методами исследования избраны ивент-анализ и компаративный анализ (особенно при сравнении стратегических схем сотрудничества ФРГ с Францией и Нидерландами). Следует отметить, что тематика отношений с официальным Парижем – в том числе в собственно военном плане – традиционно находила достаточно подробное освещение в работах как отечественных [Сидоров, 2019; Чернега, 2019], так и зарубежных, в том числе германских, авторов [Schwarzer, 2006; Kempin, Kunz, 2017; Schulz, 2019]. Напротив, степень исследованности германо-нидерландских отношений применительно к военно-политической тематике следует признать весьма низкой (см.: [Hanish, 2015]). Соответственно, статья

прежде всего сфокусирована на раскрытии «узких мест» сотрудничества ФРГ именно с Амстердамом в области совместного укрепления оборонных потенциалов. Этот вектор двустороннего сотрудничества характеризуется необычайно высокими количественными и, что не менее важно, качественными показателями. Отношения с Парижем во многом рассматриваются в сопоставлении с германо-нидерландской кооперацией.

Германо-нидерландское сотрудничество: по пути наращивания потенциала общих военных механизмов

Есть немало объяснений, почему, в отличие от германо-американских (США) и германо-франко-бельгийского корпусов, германо-нидерландский сохранился – притом не только как управление, но и соединение. В распоряжении штаба последнего со стороны ФРГ были оставлены крупные войсковые контингенты (первоклассная 1-я танковая дивизия). Тут можно провести сравнение с германо-польско-датским корпусом (учрежденным в 1999 г.), в подчинении штаба которого к началу 2010 х годов Берлин не оставил собственно боевых частей (и тем более соединений).

Во-первых, в качестве причин может быть названа территориальная «нарезка» районов формирования группировок стран – участниц НАТО. Так, с сентября 2014 г. по сентябрь 2015 г. Германия и Нидерланды принимали на себя основную нагрузку в деле комплектования СБР НАТО, используя для этого прежде всего войска 1-го германо-нидерландского корпуса. С 2017 г. обе страны совместно (с принятием бундесвером функций «рамочной нации») участвуют в комплектовании БТГ СПР Альянса в Литве [Bundeswehr führt., 2019]. Во всех данных мероприятиях (в том числе в наземных) принимала участие Норвегия [Ibid.], хотя в этом случае совместные двусторонние группировки отсутствуют. Не менее важно другое. Сложно предположить, чтобы в НАТО, позиционирующей себя как союз национальных государств (а не наднациональная структура), они бы не играли ключевой роли в принятии решений о той или иной конфигурации состава стран, предоставляющих контингенты для создания многонациональных группировок Альянса. Так, следуя лишь географическому признаку (и

срокам вступления в блок), Норвегия (расположенная в зоне объединенного стратегического командования НАТО «Север») могла бы формировать единую «нарезку» не с Германией и Нидерландами, а Великобританией и Данией. Однако, несмотря на тесные связи Осло с последними, этого не произошло. Наконец, следует обратить внимание на тесное сотрудничество Германии в Мали именно с Нидерландами (помимо Франции). Именно по просьбе правительства М. Рютте контингент бундсвера в составе миссии ООН MINUSMA расширил действия на северомалийские провинции, что сопровождалось существенным (почти в 7 раз) увеличением численности германского контингента [Hanish, 2015, p. 1–2]. Это означает, что принцип тесной координации практических усилий ВС двух стран реализуется под эгидой не только НАТО, но и других международных структур.

Во-вторых, характер комплектования штаба и войсковых компонентов у германо-нидерландского корпуса существенно отличался от американо-германского и германо-американского (США). Последние представляли собой традиционный военный штаб из представителей ВС лишь одной, считавшейся основной страны-участницы (соответственно, США или ФРГ). Параллельно под единым командованием действовало управление войсками другой стороны (ФРГ или США). В свою очередь штабы, как дивизии и входившие в них части и подразделения, оставались мононациональными. Лишь в случае германо-нидерландского корпуса наблюдался «эффект взаимопроникновения», т.е. все подразделения, части и соединения были двухнациональными, являя собой пример глубоко продвинутой военной интеграции. Отражая взаимную заинтересованность сторон в совместном строительстве ВС, германо-нидерландский корпус стал фундаментом, «цементирующим» сотрудничество двух государств в военно-политической сфере на долгосрочную перспективу.

В-третьих, потенциальной причиной может быть назван фактор длительного военного присутствия Нидерландов на территории ФРГ. Однако оно резко сократилось уже в 1990-е годы. По состоянию на 2006 г. в Германии находилось менее 2,2 тыс. голландских военных и 1,8 тыс. гражданского персонала Министерст-

ва обороны. В то же время США имели 72,4 тыс. солдат и офицеров, Великобритания – 20,0 тыс., Франция – 3,7 тыс. К 2011 г. численность войск Нидерландов в германских землях сократилась до 0,6 тыс. военных и менее 0,1 тыс. гражданского персонала, а присутствие США составляло 56,7 тыс., Великобритании – 18,6 тыс., Франции – 3,5 тыс. [Antwort., 2011, S. 14]. Соответственно, если три указанные державы, несмотря на декларированное еще в 1990 г. признание суверенитета ФРГ де-юре (по договору об окончательном урегулировании в отношении Германии), не были готовы свети объемы своего военного присутствия до минимальных показателей (вплоть до полного свертывания), то Нидерланды пошли на этот шаг. Численность нидерландских военных на территории ФРГ составляла лишь минимум, необходимый для обеспечения полноценного функционирования общих штабных структур и подразделений прямого подчинения управления 1-го германо-нидерландского корпуса. С точки зрения автора, представленные данные свидетельствуют о высоком взаимном доверии в германо-нидерландских отношениях. Предпочтя со своей стороны поддержать обретение ФРГ реального суверенитета (выводом своих войск), Амстердам оказался в более выигрышном положении по сравнению с другими западными державами. Последние или вовсе не располагали постоянно действующими с ФРГ двусторонними военными механизмами (США, Великобритания), или они были небольшого объема и с ограниченными функциональными возможностями (Франция, германо-французская бригада с 1989 г.). При этом они продолжали делать ставку на свое национальное военное присутствие на германских землях. С точки зрения автора, на этом фоне схема германо-нидерландского сотрудничества оказывалась намного выигрышной, открывая широкие возможности более продвинутому сотрудничеству, особенно на долгосрочную перспективу. Свидетельство тому – расформирование в ходе очередного этапа реформирования бундесвера в 2000-е годы всех управлений его корпусов, кроме 1-го германо-нидерландского корпуса (а также германо-польско-датского) – лишь в подчинении первого была оставлена боеспособная и крупная войсковая группировка.

К началу 2020-х годов основу германо-нидерландского корпуса составляла, как было указано выше, 1-я танковая дивизия ФРГ в составе четырех бригад, а именно:

- 9-я учебная танковая бригада бундесвера (6,0 тыс. солдат и офицеров) [Panzerlehrbrigade 9, 2020] использовалась не только для комплектования СБР НАТО (в частности, в 2019 г.) [Germany steps up., 2019], но и представляла собой соединение-«платформу», на базе которой стали с конца 2010-х годов создаваться новые бригады бундесвера (см.: [Bundeswehr-Pläne., 2017]);

- 21-я танковая бригада бундесвера (4,5 тыс. военнослужащих) [Panzerbrigade 21, 2020];

- 41-я мотопехотная бригада бундесвера (4,2 тыс. солдат и офицеров), создавшая «ядро» бригады сверхповышенной боевой готовности СБР НАТО в ходе крупнейших учений «Trident Juncture 18» на территории Норвегии (2018) [Trident Juncture., 2018] и также являющаяся соединением-«платформой» (см.: [Bundeswehr-Pläne., 2017]);

- 43-я механизированная бригада нидерландских войск (свыше 3,0 тыс. военнослужащих) – первоклассное соединение, полное организационно-функциональное интегрирование которого в состав 1-й танковой дивизии ФРГ было достигнуто в 2019 г. При этом был осуществлен принцип «перекрестной» интеграции, когда в состав 43-й механизированной бригады (не имеющей танков) был передан 414-й танковый батальон бундесвера [43. Mechanisierte Brigade..., 2020].

Таким образом, 1-я танковая дивизия (численностью порядка 18 тыс. военнослужащих, из них более 15% – голландские) представляла собой мощное соединение, способное одновременно предоставлять войска для комплектования СБР (второго, наиболее значимого стратегического эшелона войск НАТО в Европе) и СПР Альянса; комплектовать контингенты для выполнения задач в составе профильных миссий НАТО, ЕС и ООН и одновременно выступать платформой для формирования вновь создаваемых ударных бригад наземных сил общего назначения (СОН) бундесвера. Именно этим силам с приданием им более межвидового характе-

ра¹ отводится ключевая роль при планировании перспективного облика бундесвера до середины 2030-х годов [Bundeswehr-Pläne..., 2017].

В случае необходимости штаб 1-го германо-нидерландского корпуса может принять на себя командование межвидовой группировкой войск численностью до 80 тыс. военнослужащих. В состав управления корпуса к началу 2020-х годов вошли миссии связи более десяти других стран – участниц НАТО и ЕС (см.: [Bilaterale Kooperation..., 2020]). Соответственно, 1-й германо-нидерландский корпус позиционируется государствами-учредителями не только как один из механизмов-«опор» обеспечения обороны и безопасности Евро-Атлантического сообщества, но и как образцовое многонациональное соединение – пример продвинутого сотрудничества в области строительства ВС.

Практические результаты двусторонней кооперации на данном направлении не ограничиваются лишь 1-м германо-нидерландским корпусом, включающим 1-ю танковую дивизию ФРГ. Сюда же можно отнести элитную дивизию СБР бундесвера, в состав которой помимо частей прямого подчинения (в основном сил военно-транспортной авиации) и 1-й германской аэромобильной бригады входит также 11-я нидерландская бригада аналогичного назначения (2,1 тыс. солдат и офицеров). Ее полное интегрирование планируется завершить в 2020–2021 гг. [Division Schnelle Kräfte, 2020]. Данная дивизия предназначена для развертывания и использования в вооруженных конфликтах вне зоны ответственности НАТО (например, в Мали под эгидой ЕС и ООН). Она также выступает мобильным резервом, в том числе в составе группировок обеих евро-атлантических структур. Если 1-я танковая дивизия выполняет задачи «платформы» по подготовке новых бригад СОН, то дивизия СБР – аэромобильных сил.

Тот факт, что в процессы создания двусторонних военных механизмов с королевством вовлечены от Германии: управление корпуса, две дивизии (из трех имеющихся), четыре первоклассные

¹ То есть добавлением непрофильных (в данном случае несухопутных) компонент: военно-воздушной (армейская авиация), военно-морской, ССО. – Прим. авт.

бригады (из общего количества в 7,5), подчеркивает особую значимость дальнейшего углубления сотрудничества с Нидерландами. Для Нидерландов 1-й германо-нидерландский корпус при отсутствии в ВС королевства танков является мощной гарантией обеспечения обороны и безопасности. Обе стороны заинтересованы в наращивании потенциала высококомобильных сил кризисного реагирования, которые могут быть использованы для урегулирования вооруженных конфликтов, зоны которых являются источниками мощных миграционных потоков, сопровождаемых попытками распространения ячеек международного терроризма в странах – участницах ЕС и НАТО. Эта проблема особенно остро проявилась во втором десятилетии XX в. В случае ФРГ интегрирование нидерландских частей в состав его дивизий позволяет частично компенсировать негативный эффект масштабных сокращений бундесвера с 1990-х годов. Последнее стало очевидным для политико-военного истеблишмента Германии в связи с резким возрастанием нагрузки на ВС вовне и особенно внутри зоны ответственности НАТО в середине – второй половине 2010-х годов. Показательно, что именно в тот период были не только декларированы долгосрочные планы по наращиванию потенциала бундесвера, но и завершено интегрирование нидерландской бригады в состав 1-й танковой дивизии, начавшееся как минимум в 2000-е годы.

Взаимная заинтересованность в дальнейшем углублении сотрудничества подтверждается и объемами экспорта вооружений и военной техники (ВиВТ) ФРГ в Нидерланды, особенно в сопоставлении с Францией (см. табл.).

В 2010-е годы Нидерланды стабильно тратили на закупки военной продукции ФРГ от 2,5 до 11% своего оборонного бюджета¹, прежде всего обновляя за счет поставок из Германии парк наземной техники и стрелкового оружия (см., напр.: [Bericht., 2019, S. 74, 79]). Стороны активно развивают техническое и технологическое сотрудничество оборонного характера как на двух-, так и на многосторонней основе. Еще в начале 2000-х годов Германия и Нидер-

¹ Рассчитано автором на основе данных таблицы и источника: [Defence Expenditure., 2019, p. 8–10].

ланды совместно разработали боевую разведывательную машину (БРМ) «Fennek», бронированную медицинскую машину «Boxer», а также вариант «умного наполнения» пограничных катеров. Стороны активно работают над постепенной унификацией парка ВиВТ, применяемого ВС каждой из стран. Совместно разработанная техника активно используется как 1-й танковой дивизией, так и дивизией СБР бундесвера, в состав которых входят нидерландские части.

Таблица

**Динамика военного экспорта Германии в Нидерланды
и Францию (2012–2018)**

Годы	Нидерланды		Франция	
	объем (число сделок)	место страны в топ-20 импортеров ВиВТ из ФРГ	объем (число сделок)	место страны в топ-20 импортеров ВиВТ из ФРГ
2012	76,0 млн (683)	16-е	168,9 млн (816)	6-е
2013	95,1 млн (776)	17-е	146,6 млн (853)	10-е
2014	79,8 млн (796)	16-е	84,8 млн (612)	15-е
2015	88,4 млн (791)	17-е	157,5 млн (667)	8-е
2016	121,4 млн (675)	12-е	119,6 млн (615)	13-е
2017	151,8 млн (519)	10-е	90,5 млн (581)	17-е
2018	103,9 млн (549)	10-е	85,9 млн (513)	15-е

Составлено автором по: [Bericht., 2013, S. 77–78, 81, 84, 86; Bericht., 2014, S. 84, 86, 89, 91; Bericht., 2015, S. 87, 88, 91, 93; Bericht., 2016, S. 82, 84, 87, 89; Bericht., 2017, S. 76, 79, 81; Bericht., 2018, S. 75, 76, 79, 81–82; Bericht., 2019, S. 74, 77, 79].

Амстердам и Берлин приняли самое активное участие в запуске и развитии потенциала платформы Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС – Permanent Structured Cooperation, PESCO). По состоянию на декабрь 2019 г. стороны

одновременно участвуют в семи проектных комитетах (пять функциональных и два технико-технологических¹). На базе PESCO Германия и Нидерланды совместно участвуют в разработке наземных робототехнических комплексов и систем военной радиосвязи. Из числа функциональных комитетов особое место в сотрудничестве двух стран по линии PESCO занимают следующие проектные комитеты: по выстраиванию единой военно-логистической системы на территории европейских стран – участниц НАТО и ЕС; повышению мобильности их войск; совместному базированию. Иллюстрацией успешной реализации всех трех направлений служит 1-й германо-нидерландский корпус. Так, обширная территория дислокации частей корпуса (практически вся территория Германии и Нидерландов) охвачена единой военно-логистической сетью. Примечательно, что в проектном комитете по повышению мобильности войск государством-инициатором (и координатором) являются именно Нидерланды [Permanent Structured..., 2019].

Германо-французский тандем: определение границ сотрудничества

При рассмотрении таблицы обращает на себя внимание сопоставимость объемов военного экспорта ФРГ в Нидерланды и Францию, несмотря на тот факт, что ежегодные военные расходы Франции в 2010-е годы в 4–5 раз превышали данный показатель у Нидерландов (см.: [Defence Expenditure..., 2019, p. 8–10]). Разительно отличаются и количественные показатели совместных военных механизмов каждой из западноевропейских стран с ФРГ. Как уже отмечалось, в процесс интеграции ВС с Нидерландами вовлечено четыре бригады сухопутных войск бундсвера (более 53% от их общего числа по состоянию на 2019 г.), а с Францией – лишь 0,5 бригады (менее 7%). Если в случае Амстердама совместное строительство ВС успешно реализуется на корпунсном и нижестоя-

¹ Под таковыми автор понимает проектные комитеты, целью которых является создание новых образцов военной техники, а также налаживание их совместного производства. – Прим. авт.

щих уровнях (дивизионном, бригадном), то в случае с Парижем – лишь на бригадном.

Исходя из расчетной численности войсковых соединений, в состав совместных с Германией военных группировок входит не менее 12,5% от общего количества солдат и офицеров ВС Нидерландов (свыше 5 тыс., при общей численности в 39–41 тыс. в конце 2010-х годов; см.: [Defence Expenditure., 2019, p. 11]). В случае Франции – лишь чуть более 1% (свыше 2,5 тыс. из 208 тыс.; см.: [Ibid.]). В связи с этим рядом отечественных исследователей-франковедов, в частности А.С. Сидоровым, выдвигается небеспочвенный тезис о том, что германо-французская бригада как боевое соединение имеет скорее декоративно-символические (как военная производная существования тандема), нежели практические функции [Сидоров, 2019, с. 178–180].

Различие в объемах и качестве сотрудничества ФРГ с Нидерландами и Францией в области совместного строительства ВС обусловлено, в частности, тем, что Амстердам последовательно демонстрирует готовность и даже желательность принятия Германии в качестве «старшего партнера» в области обеспечения обороны и безопасности как в стратегическом плане, так и по ряду тактических вопросов. В свою очередь, ФРГ регулярно демонстрирует особое внимание в отношении обеспокоенностей и интересов нидерландского партнера. Нидерланды же активно поддерживают ФРГ в реализации ее лидерских амбиций. Следует подчеркнуть, что применительно к военной сфере этот процесс динамично развивался как минимум с 1990-х годов, а не с середины 2010-х годов, в условиях резкого усложнения внешне- и внутривнутриполитической ситуации для истеблишмента обеих стран.

В случае Франции положение с признанием германского лидерства как на уровне Евро-Атлантического сообщества, так и двусторонних отношений выглядит более сложным. На протяженном временном отрезке 1960–2010-х годов в процессе трансформации отношений ФРГ и Франции – от отступления от обоюдного антагонизма к созданию тандема – Париж предпринимал неоднократные, однако в целом неудачные попытки навязать свою лидерство партнеру [Чернега, 2019, с. 161–164; Schwarzer, 2006, S. 3–11]. В усло-

виях растущих внутри- и внешнеполитических трудностей Франция заинтересована в углублении сотрудничества с Германией, претендующей на роль «мягкого лидера» в тандеме. Так, 22 января 2019 г. стороны в углубление Елисейского договора (1963) подписали новый, Аахенский, договор, создающий юридическую основу для дальнейшего развития сотрудничества, в том числе в военной области [Rede von Bundeskanzlerin., 2019]. Берлин и Париж тесно координировали свои политико-дипломатические усилия по урегулированию вооруженных конфликтов на юго-востоке Украины, в Сирии, Ираке, Ливии, Мали, сохранению «ядерной сделки» с Ираном. Одной из политических детерминант включения бундесвера в борьбу с международным терроризмом в Мали (с февраля 2013 г.) и на сирийско-иракском ТВД (с декабря 2014 г.) выступало именно стремление оказать помощь Франции.

Стороны активно развивают техническое и технологическое сотрудничество – как двустороннее, так и многостороннее. Уже в 1990-е годы ими был разработан БПЛА KZO, предназначенный для проведения разведки и корректировки огня артиллерийских систем. Париж и Берлин сыграли определяющую роль в запуске PESCO в декабре 2017 г. в развитие положений Лиссабонского договора (2007). По состоянию на декабрь 2019 г. две страны совместно участвуют в работе 14 проектных комитетов (из общего числа 47), где девять – функциональные и пять – технико-технологические (см.: [Permanent Structured., 2019]). Из числа последних особо следует отметить площадки по модернизации ударного вертолета, средневысотных БПЛА и наземной робототехники, а также совершенствования систем связи и навигации [ibid.] – наиболее сложных с технической точки зрения аспектов движения бундесвера к перспективному облику (см.: [Bundeswehr-Pläne., 2017]). Это показывает наличие не только существенного задела, но и значительного потенциала в области военно-технологического сотрудничества Германии и Франции. Стоит отметить, что после запуска PESCO, которое к началу 2020-х годов еще не принесло сколько-нибудь значительных практических результатов в области разработки новых ВиВТ, существенно снизились объемы военного экспорта ФРГ во Францию (а в Нидерланды, напротив, возросли) (см. табл.).

Эта тенденция, как и небольшие объемы сотрудничества Берлина и Парижа по вопросам совместного строительства ВС, свидетельствует о наличии четко просматриваемых пределов сотрудничества двух стран в военной области. С точки зрения автора, ключевая причина тому – сохраняющиеся и не всегда обоснованные лидерские амбиции Франции, не готовой признать роль ФРГ как «старшего партнера» даже в мягкой форме.

В области общего совершенствования оборонного потенциала исторически и геополитически именно развитие контактов с континентальными западноевропейскими странами для ФРГ было наиболее масштабным и продвинутым, в том числе с точки зрения их институционализации и создания многосторонних механизмов сотрудничества. С Францией и особенно Нидерландами ФРГ с 1990-х годов нарабатывала опыт создания смешанных по составу штабов и войсковых частей и соединений, на современном этапе активно используемый на уровне НАТО и ЕС в целом.

Несмотря на декларируемую и фактическую значимость германо-французского тандема в оборонной сфере, просматриваются четкие границы сотрудничества двух держав. Более широкими эти границы выглядят в технико-технологической области (что, в частности, показывает координация усилий в рамках PESCO) и, напротив, узкими – в сфере создания двусторонних военных группировок. Противоположным, особенно по последнему пункту, является положение дел в германо-нидерландских отношениях. С учетом продолжительности, масштаба взаимной вовлеченности и достигнутого к началу 2020-х годов уровня военной интеграции Нидерланды уместно рассматривать в качестве наиболее близкого союзника ФРГ в рамках НАТО и ЕС.

Литература

Сидоров А.С. Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «Окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4. – С. 172–186.

Чернега В.Н. Франция и Германия: Диалектика сотрудничества и соперничества // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4. – С. 158–171.

43. Mechanisierte Brigade der 1. Panzerdivision // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/43-mechanisierte-brigade> (Date of access – 01.04.2020).

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine / Anfrage der Abgeordneten P. Schäfer (Köln), I. Höger, J. van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke. Ausländische Streitkräfte in Deutschland // Deutscher Bundestag. – 2011. – 14.04. – 19 S. – (Drucksache; 17/5586).

Armee der Einheit 1990–2000. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. – 52 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2013. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. – 124 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. – 128 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. – 132 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. – 116 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. – 112 S.

Bilaterale Kooperation Deutschland-Niederlande // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/themen/friedenssicherung/bilaterale-kooperation/deutschland-niederlande> (Date of access – 01.04.2020).

Bundeswehr führt Nato-Verband in Litauen // Bundeskanzleramt. – 2019. – 14.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeswehr-im-baltikum-1659416> (Date of access – 26.03.2020).

The Bundeswehr on operations: Publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed bundeswehr missions abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – 120 p.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen // Deutscher Bundeswehr Verband. – 2017. – 19.04. – Mode of access: www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (Date of access – 26.03.2020).

Defence Expenditure of NATO countries (2011–2018). – Brussels: Public Diplomacy Division. – 2019. – 14.03. – 15 p. – (Comminique; PR-CP (2019) 034).

Deutsch-Französische Brigade // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzer-division/deutsch-franzoesische-brigade> (Date of access – 01.04.2020).

Division Schnelle Kräfte // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte> (Date of access – 01.04.2020).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. – 1990. – N 44. – 12 S. – (SOWI-Arbeitspapier; N 44).

Germany steps up to lead NATO high readiness force // NATO. – 2019. – 01.01. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (Date of access – 01.04.2020).

Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali / Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – 2015. – 5 p. – (Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security policy Working paper; N 8).

Kempin R., Kunz B. France, Germany, and the Quest of European strategic autonomy. – Berlin; Paris: Stiftung Wissenschaft und Politik; The Study Committee of French-German relations, 2017. – 34 p.

Panzerlehrbrigade 9 // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzer-lehrbrigade-9> (Date of access – 01.04.2020).

Panzerbrigade 21 // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzer-brigade-21> (Date of access – 01.04.2020).

Panzergrenadierbrigade 41 // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzergrenadierbrigade-41> (Date of access – 01.04.2020).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview // Consilium.europa.eu. – 2019. – 12.11. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf> (Date of access – 01.04.2020).

Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur Unterzeichnung des Vertrags zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Französischen Republik

über die deutsch-französische Zusammenarbeit und Integration am 22. Januar 2019 in Aachen // Bundeskanzleramt. – 2019. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-unterzeichnung-des-vertrags-zwischen-der-bundesrepublik-deutschland-und-der-franzoesischen-republik-ueber-die-deutsch-franzoesische-zusammenarbeit-und-integration-am-22-januar-2019-in-aachen-1571070> (Date of access – 01.04.2020).

Schulz R. Vergleich der Besolung europäischer Streikkräfte / SWP. – 2019. – September. – 17 S. – (Arbeitspapier; N 5).

Schwarzer D. Deutschland und Frankreich – Duo ohne Führungswillen. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2006. – 34 S.

Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen // BMVg. – 2018. – 12.11.

DOI: 10.31249/ape/2020.04.09

Trunov Ph.O.¹, 2020
***The key directions of German-Dutch
and German-French cooperation
in defence strengthening***

Abstract. *Since the former Cold War, the Federal Republic of Germany has had the closest, the most full-scale and different in the spectrum of tracks relations in the sphere of common strengthening of the defence capabilities with the continental Western European countries. First, these ones are France and the Netherlands. The article tries to explore German relations with these two countries in the military sphere during the modern period. The key research methods are event-analysis and comparative analysis.*

The paper covers the experience of the creation of the first bilateral and multilateral military groups of NATO member states` armed forces which consist of staffs and military forces of the mixed troop system. The article notes that first military groups of this kind were created on the territory of the united Germany and examines the reasons of this tendency. Special attention is paid to the development of German-Dutch Corpspotential. This one, the 1st tank division and the division of rapid reaction forces (each of those divisions has one Dutch brigade) of the Bundeswehr are explored as military mechanisms of deep

¹ **Trunov Philipp Olegovich** – Ph.D. in political sciences, senior researcher, Department of Europe and America, INION RAS (1trunov@mail.ru).

integration between the two countries. The article also identifies the features of military-technical German-Dutch cooperation, including their common efforts in the frames of Permanent Structured Cooperation platform. The article compares the scales and quality of German-Dutch and German-French cooperation. In this regard the paper rises the question about real military importance of German-French brigade and cooperation between two countries in military-technical field, including the creation of robotized technics. The paper shows the limits of German-French cooperation potential until the early 2020 s.

Based on the results of theresearch the author concludes on special role of Netherlands for Germany in military sphere.

Keywords: Germany, Netherlands, France, armed forces building, military-technical cooperation, PESCO.

References

43. Mechanisierte Brigade der 1. Panzerdivision. (2020) // BMVg. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/43-mechanisierte-brigade> (Date of access – 01.04.2020).

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine. (2011) / Anfrage der Abgeordneten P. Schäfer (Köln), I. Höger, J. van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke. Ausländische Streitkräfte in Deutschland // Deutscher Bundestag. – 14.04. – 19 S. – (Drucksache; 17/5586).

Armee der Einheit 1990–2000. (2000). – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung. – 52 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). (2013). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). (2014). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 124 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). (2015). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 128 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). (2016). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 132 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). (2017). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 120 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). (2018). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 116 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). (2019). – Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – 112 S.

Bilaterale Kooperation Deutschland-Niederlande. (2020) // BMVg. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/themen/friedenssicherung/bilaterale-kooperation/deutschland-niederlande> (Date of access – 01.04.2020).

Bundeswehr führt Nato-Verband in Litauen. (2019) // Bundeskanzleramt. – 14.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/bregde/suche/bundeswehr-im-baltikum-1659416> (Date of access – 26.03.2020).

The Bundeswehr on operations: Publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed bundeswehr missions abroad. (2009). – Berlin: Federal Ministry of Defense. – 120 p.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen. (2017) // Deutscher Bundeswehr Verband. – 19.04. – Mode of access: www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (Date of access – 26.03.2020).

Defence Expenditure of NATO countries (2011–2018). (2019). – Brussels: Public Diplomacy Division. – 14.03. – 15 p. – (Comminique; PR-CP (2019) 034).

Deutsch-Französische Brigade. (2020) // BMVg. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzer-division/deutsch-franzoesische-brigade> (Date of access – 01.04.2020).

Division Schnelle Kräfte. (2020) // BMVg. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte> (Date of access – 01.04.2020).

Fleckenstein B. (1990). Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. – N 44. – 12 S. – (SOWI-Arbeitspapier; N 44).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. (2019) // NATO. – 01.01. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (Date of access – 01.04.2020).

Hanish M. (2015). A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. – N. 8. – 5 p.

Kempin R., Kunz B. (2017). France, Germany, and the Quest of European strategic autonomy. – Berlin, Paris: Stiftung Wissenschaft und Politik; The Study Committee of French-German relations. – 34 p.

Panzerlehrbrigade 9. (2020) // BMVg. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzerlehrbrigade-9> (Date of access – 01.04.2020).

Panzerbrigade 21. (2020) // BMVg. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzerbrigade-21> (Date of access – 01.04.2020).

Panzergrenadierbrigade 41. (2020) // BMVg. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzergrenadierbrigade-41> (Date of access – 01.04.2020).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview. (2019) // Consilium.europa.eu. – 12.11. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf> (Date of access – 01.04.2020).

Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur Unterzeichnung des Vertrags zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Französischen Republik über die deutsch-französische Zusammenarbeit und Integration am 22. Januar 2019 in Aachen. (2019) // Bundeskanzleramt. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-unterzeichnung-des-vertrags-zwischen-der-bundesrepublik-deutschland-und-der-franzoesischen-republik-ueber-die-deutsch-franzoesische-zusammenarbeit-und-integration-am-22-januar-2019-in-aachen-1571070> (Date of access – 01.04.2020).

Schulz R. (2019). Vergleich der Besolung europäischer Streikkräfte // SWP. – September. – 17 S. – (Arbeitspapier; N 5).

Schwarzer D. (2006). Deutschland und Frankreich – Duo ohne Führungswillen. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. – 34 S.

Sidorov A.S. (2019). French-German military cooperation: «Window of Opportunities» or movement by inertia? [*Franko-germanskoye voenno-politicheskoye sotrudnichestvo: «Okno vozmoghnostei» ili dvizheniye po inertsii?*] // Current Problems of Europe. – N 4. – P. 172–186.

Chernega V.N. (2019). France and Germany: The dialectics of cooperation and competition [*Frantsia I Germaniya: Dialektika sotrudnichestva i sopernitchestva*] // Current Problems of Europe. – N 4. – P. 158–171.

Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen. (2018) // BMVg. – 12.11.